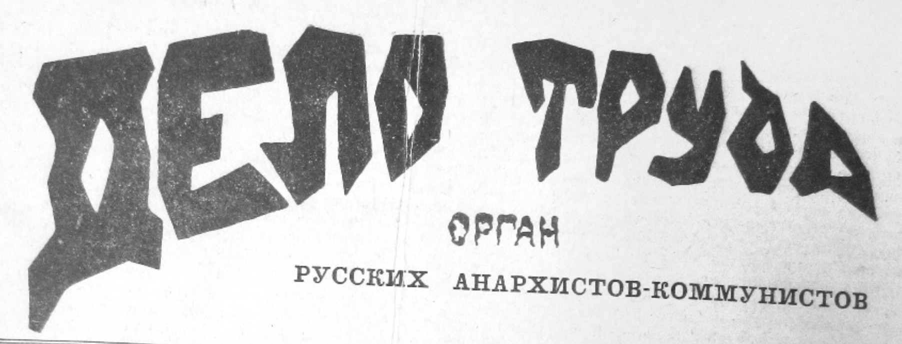
№ 29



№ 29 «DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)
ОКТЯБРЬ 1927

ДВА ОКТЯБРЯ

Октябрь рабочих и крестьян.

Большевистский календарь установил, как правило, называть победоносную революцию русских рабочих и крестьян октябрской революцией. В этом определении имеется доля истины, но не вся. В октябре 1917 года рабочие и крестьяне России одолели одно колоссальное препятствие, стоявшее на пути развития их революции — сбросили номинальную власть капиталистических классов. Но до этого те же рабочие и крестьяне совершили акты не меньшего, а может быть большего, революционного значения — отняли у капиталистических классов их экономическую мощь — землю у помещиков в деревне, право безконтрольной эксплоатации у фабрикантов в городах, а зачастую и сами фабрики. Следовательно, еще значительно раньше октября рабочие и крестьяне разрушили базу капитализма. Осталась политическая надстройка. Не будь этой повсеместно разлитой экспроприации эксплуататорских классов рабочими и крестьянами, экспроприации, расшатавшей всю государственно-капиталистическую машину в стране, не так бы удался, а может быть и совсем не удался и политический переворот в стране, ибо в этом случае во много раз большей оказалась бы сопротивляемость господствующих классов..

В то же самое время дело социальной революции не закончилось свержением капиталистической власти в октябре. Перед рабочими и крестьянами развертывалась длительная полоса осуществления принципов социального самоуправления и социалистического строительства, полоса не осуществившаяся во все последующие годы. Следовательно, во всем ходе русской социальной революции октябрь являлся лишь некоторым этапом ее, правда могучим и решительным этапом, но все таки этапом. Вот почему он не представляет собой всей социальной революции.

Это одно определяющее историческое положение, которое сразу же надо учесть, подходя к октябрским победным дням в русской социальной революции.

Другое не менее важное положение состоит в том, что сам октябрь имеет двоякое содержание, — одно то, которое в него вложили революционные массы труда, совершившие социальный переворот в России, а вместе с ними и анархисты; другое то, которое придала ему политическая партия, захватившая власть на *почве этого социального переворота* и насильственно изменившая затем все дальнейшее развитие революции.

Между одним содержанием октября и другим лежит огромное расстояние. Октябрь рабочих и крестьян — это — *ниспровержение власти* нетрудовых классов во имя их *равноправия и самоуправления*. Октябрь большевизма — это — *захват власти* партией революционной интеллигенции, построение ею своей «социалистической» государственности и своих «социалистических» *методов управления массами*.

* * *

Февральская революция 1917 года застала различные революционные партии врасплох. Но несомненно, гораздо большей неожиданностью явился для них глубокий социальный характер начавшейся революции. В него первые месяцы никто кроме анархистов не хотел верить. Паритя большевиков, претендовавшая всегда на выражение самых левых революционных устремлений рабочего класса, также не шла дальше рамок буржуазной революции. Лишь на апрельской конференции 1917 года она поставила вопрос о том, что же, собствен-

но, происходит в России: только ли свержение царизма или же революция устремится дальше, — на капиталистические классы? Последнее предположение ставило перед большевиками на очередь вопрос, какой в этом случае тактики держаться им? Ленин, раньше других большевиков заметивший социальный характер революции, настаивал на необходимости захвата власти. Надежную опору в этом деле он видел в движении рабочих и крестьян, все более и более назревавшем и направлявшемся против земельной и промышленной буржуазии. Соглашение по этому вопросу у руководящей группы большевиков не было достигнуто до самых октябрьских дней и партия все это время *лавировала* между социальными лозунгами масс и идеей буржуазно-демократической революции, на которой она родилась и воспиталась. Не порывая с лозунгами мелкой и крупной буржуазии учредительного собрания, она в то же время старалась овладеть массами, пришпоривая себя к их быстро развивающемуся бегу.

Народ же — рабочие и крестьяне — в это время стремительно шел вперед. Расправив после низвержения царизма свою могучую спину, он безостановочно уже разил своих врагов направо и налево, бесстрашно идя *к своей победе* и *по своему* закрепляя ее. Отовсюду из сел и деревень класс помещиков начал «эвакуироваться», спасаясь от поднявшегося революционного крестьянства и ища защиты своих земель и своих персон в городах. Крестьянство производило черный передел земли и слышать не хотело о «сожительстве» и «сосуществовании» с помещиками.

В городе же происходило такое же «изменение отно-шений» между рабочими и собственниками предприятий. Усилием коллективного гения мсас на всех фабриках, заводах, шахтах, рудниках, железнодорожном транспорте и т. д. возникли фабрично-заводские комитеты рабочих, дерзко вмешавшиеся в процесс производства, бросившие вызов хозяевам предприятий и поставившие вопрос об их изгнании из производства. В различных местах страны рабочие начали проводить социализацию предприятий.

Одновременно с этим вся революционная трудовая Россия покрылась сетью рабочих и крестьянских советов, начавших функционировать , как органы общественного самоуправления и как органы продолжения, развития и защиты революции. Капиталистический строй и капиталистическая власть еще номинально существовали в стране. Но рядом с ними родилась и расширилась цельная система общественно-хозяйственного самоуправления рабочих и крестьян, система советов, фабрично-заводских комитетов, которая самым фактом своего появления стала гибелью грозить государственной системе.

Должно указать, что как возникновение, так и деятельность советов и фабрично-заводских комитетов не были связаны с началами власти. Это были в полном смысле слова органы общественного и экономического самоуправления масс, но никоим образом не органы власти. И как *таковые*, они противопоставляли себя государственной машине, стоявшей над массами, и готовились к решительной борьбе с нею. «Фабрики рабочим! Земля крестьянам!» — вот тот лозунг, с которым революционная масса города и деревни выступила на свержение государственной машины имущих классов во имя утверждения своей общественной системы, основными ячейками которой являлись экономические фабрично-заводские комитеты и общественно-экономические (не властные) советы. Лозунг этот мощным гулом от края и до края перекатывался по всей трудовой России и под гое прямым воздействием произошло ниспровержение коалиционного буржуазно-социалистического правительства в октябре 1917 года.

Как указано выше, еще до октябрского переворота рабочие и крестьяне уже производили полную перестройку всего земельного и промышленного строя России. Аграрный вопрос был фактически решен крестьянской беднотой на местах в месяцы июнь, июль, август и сентябрь. Городские рабочие подготовили органы общественного и хозяйственного самоуправления, начавшие отбирать организаторские функции у государства и хозяев. Октябрским переворотом трудящиеся опрокинули последнее и самое большое препятствие, стоявшее на пути дальнейшего развития их революции — государственную власть разбитых уже и дезорганизованных имущих классов. Этот переворот открыл полный простор для завершения социальной революции, вводя ее в область положительного творческого строительства, намеченного трудящимися еще в пред'октябрский период.

Таков октябрь рабочих и крестьян. Он знаменует собой могущественную попытку рабов ручного труда разрушить самые устои капиталистического строя и создать трудовое общество на началах равноправия, независимости и самоуправления городского и деревенского пролетариата. Этот рабоче-крестьянский октябрь не получил своего естественного завершения. Он насильственно был прерван «октябрем» большевистской партии, выразившимся в установлении партийной диктатуры в стране.

Октябрь партии большевиков.

Все партии государственных социалистов, в том числе и партия большевиков, ограничивали русскую революцию рамками буржуазно-демократического завершения ее. Лишь когда по всей России рабочие и крестьяне не стали производить железную встряску всего буржуазно-помещичьего строя, когда социальная революция в России обозначилась, как неотвратимый факт истории, тогда лишь большевики начали дискутировать вопросы о социальном характере русской революции и в связи с этим перестраивать свою тактику. Единодушия в партии по вопросу о характере и направлении развивающихся событий не было, однако, до самых октябрских дней. Больше того, октябрский переворот, а также последующие события совершались, когда партия раздиралась надвое существовавшими по этому вопросу противоположными мнениями в Центр. Комитете Партии. В то время, как часть Центрального Комитета во главе с Лениным указывала на неминуемость социального пе-

реворота в России и предлагала готовиться к захвату власти, другая часть во главе с Каменевым и Зиновьевым об'являла попытку социального переворота авантюрой и дальше учредительного собрания, в котором большевики займут левые скамьи, не шла (см. «Уроки октября» Троцкого). Точка зрения Ленина возобладала и партия начала мобилизовать свои силы на случай решительной борьбы масс с властью временного правительства. Партия устремилась в фабрично-заводские комитеты, в советы рабочих депутатов, прилагая все усилия к тому, чтобы в этих молодых еще органах рабочего самоуправления добиться для себя большинства мест и благодаря этому руководить их деятельностью.

Однако самый взгляд партии большевиков на советы и фабрично-заводские комитеты и подход к ним были принципиально не те, что у рабочей массы. В то время, как рабочая масса рассматривала созданные ее советы и фабзавкомы, как начальные органы своего заводского и общественного *самоуправления*, партия большевиков смотрела на них, как на *средство*, с помощью которого можно было отнять власть у атаковонной уже буржуазии и затем использовать эту власть согласно своей партийной доктрины. С первых шагов подхода к «октябрской эпохе» обнаружилось, таким образом, огромное принципиальное различие во взглядах и перспективах на октябрь у революционной массы и большевистской партии. В первом случае речь шла о ниспровержении власти с целью укрепить и расширить созданные уже органы рабоче-крестьянского самоуправления; во втором случае шла речь о том, чтобы, опираясь на эти органы, захватить власть, подчинить партии все силы революции в том числе и органы рабоче-крестьянского самоуправления. Несходство, как мы видим, огромное. Оно прошло затем по всему дальнейшему ходу русской революции и сыграло роковую роль в ее судьбах.

Успех большевиков в октябрском перевороте, т.е. то, что они очутились у власти и подчинили затем себе всю революцию, об'ясняется тем, что им удалось с ловкостью фокусников подменить идею социальной революции и социального освобождения масс идеей советской власти. С виду эти идеи как бы не имели резкого противоречия между собой (идею советской власти можно было понимать, как идею мощи советов; это и облегчило большевикам подмену идеи революции идеей советской власти). Однако, в своих последствиях, в своем осуществлении эти идеи приходят в резкое столкновение. Идея советской власти, воплощенная в большевистском государстве, превращается в идею самой обыкновенной власти, в идею власти горсти людей, пытающихся подчинить себе самое основное, самое могущественное в жизни народа. В данном случае этим основным явилась социальная революция рабочих и крестьян. Через идею «власть советам», в которых они обезпечили себе большинство мест, большевики действительно достигли полноты власти и провозгласили свою диктатуру в революционной стране.

Это дало им возможность удушить все несогласные с их партийной доктриной революционные течения трудящихся, перекроить весь ход русской революции и насильственно навязать ей множество таких экспериментов, которые противны были ее существу.

Этим экспериментом является милитаризация труда в годы военного коммунизма, милитаризация, когда миллионы пройдох и бездельников приспособлялись к лени, роскоши и ничегонеделанью.

Этим экспериментом была война между городом и деревней, созданная политикой компартии, всегда смотревшей на деревню, как на чуждую себе стихию, а потому заинтересованной в давлении на нее городской массы.

Этим экспериментом был «нэп» и «нэонэп» в хозяйстве страны, насильственно навязанные рабочим массам и сведшие на нет значение профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и остальных органов рабочего самоуправления, созданных массою в революции.

Этими «экспериментами» является удушение анархической мысли и анархического движения, чьи социальные идеи и социальные лозунги дали мощь и направление русской революции, как революции социальной.

Наконец, этими «экспериментами» являются запрещение независимого рабочего движения, удушение свободной рабочей печати и свободного рабочего слова вообще. Все свелось к единому центру, откуда даются указания, как жить, думать и действовать трудовым массам.

Таков октябрь большевистской партии. В нем воплощен тот идеал, к которому десятилетиями рвалась революционная социалистическая интеллигенция и которого она достигла в виде безраздельной диктатуры ВКП. Несмотря на чудовищные отрицательные последствия для трудящихся, этот идеал мил правящей интеллигенции, и она с торжеством отпразднует десятилетний юбилей его...

Анархисты.

Революционный анархизм был единственным социально-политичесским течением, проповедовавшим идею социальной революции среди рабочих и крестьян, как в дни революции 1905 года, так и с первых дней революции 1917 года. Роль, предназначенная ему в революции, поистине могла быть колоссальной. Анархичческие лозунги революции исходили из нее самой, анархические пути борьбы прокладывали сами массы. Ни одно социально-политическое учение так гармонически не сливалось с общим духом и направлением революции, как революционный анархизм. Редко кого с таким доверием и вниманием слушали массы в 17 году как толкового анархического оратора. Казалось бы, соединение революционной мощи рабочих и крестьян с идейной и тактической мощью анархизма представит такую силу, которую ничто не в состоянии одолеть. На самом деле, такого соединения не было. Отдельные анархисты вели подчас интенсивную революционную деятельность среди масс, но деятельности широкой анархической организации массы на всем протяжении революции не знали. А только деятельность такой организации могла идейно связать миллионные массы с анархизмом. В великую историческую эпоху анархисты не преодолели своей

кружковой ограниченности и не вышли из кружковой скорлупы на дорогу широких действий и широких лозунгов. Они тонули в море своих внутренних разногласий и ни разу не поднялись до задач *общей политики и общей тактики* анархизма в социальной революции. Благодаря этому они обрекли себя на бездействие и бесплодие в важнейшие моменты социальной революции. Причина такого катастрофического положения анархизма заключалась несомненно в той раздробленности, дезорганизованности и отсутствии коллективной тактики, которые всегда у анархистов возводились чуть ли не на высоту принципа и которые не позволяли им ступить ни одного организованного шага.

Нет смысла теперь доискиваться до тех, кто своей демагогией, бесшабашностью и безответственностью содействовал такому положению анархизма. Но страшный опыт, приведший трудовые массы к поражению, а анархизм на край гибели, должен быть полностью учтен теперь же. Презрением и беспощадным бичеванием должны мы обдать тех, кто так или иначе продолжает способствовать состоянию хаоса и неразберихи в анархизме, кто мешает ему стать на ноги и организованно, всеми силами движения служит делу освобождения труда и осуществления анархо-коммунистического общества. Массы ценят и любят анархизм. Но за анархическим движением они пойдут лишь в том случае, когда убедятся в его идейной и тактической организованности. И обязанность всех нас — во что бы то ни стало осуществить эту организованность.

Выводы и перспективы.

Десятилетняя практика большевиков показывает направление большевистской власти: год за годом она урезывает социальные и политические права трудящихся, отбирает у них их революционные завоевания. И нет никакого сомнения в том, что историческая миссия большевистской партии исчерпается тем, что она приведет, будет пытаться привести, русскую революцию, к ее исходному пункту — к царству капитала, наемного труда, власти богачей и рабству бедноты.

Говоря о большевистской партии, как партии социалистической интеллигенции, утверждающей свою власть над трудовыми массами города и деревни, мы имеем ввиду ее центральное руководящее ядро, которое ни по происхождению, ни по воспитанию, ни по своему теперешнему образу жизни ничего общего с рабочим классом не имеет и в то же время руководит всеми деталями партийной жизни и жизни масс. Это ядро до конца дней своих будет пытаться остаться *над пролетариатом* и последнему *нечего* от него ждать.

Иной по своему содержанию и по своим возможностям является рабочая коммунистическая среда, считая и рабочую среду комсомола. В отрицательной и контрреволюционной политике партии она участвовала пассивно. Плоть от плоти рабочего класса, она способна проникнуться сознанием подлинного рабоче-крестьянского октября и притти ему на выручку. И мы не сомневаемся в том, что из этой среды может выйти не мало борцов за рабоче-крестьянский октябрь.

Пожелаем же, чтоб она скорей усвоила анархический характер этого октября и пришла ему на помощь, своей стороны, как анархисты, сделаем все, чтобы как можно глубже и шире вскрыть этот его характер и тем помочь массам отвоевать и удержать их величайшее революционное завоевание.

П. АРШИНОВ

СПУСТЯ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Десятая годовщина октября застает мировой пролетариат перед лицом наступающей мировой реакции. Стабилизирующийся капитализм делает свое контр-наступление, впервые почувствовав некоторую твердость под ногами после социальных потрясений прошлых лет. Весь мир, начиная с огромных Соед. Штатов Америки и кончая маленькой Литвой об'ят этим пафосом мести и стремлением надолго обессилить трудящихся. Дело Сакко и Ванцетти в Америке, провал стачки и новый билль о трэд-юнионах в Англии, Венская трагедия, фашизм в Литве — не говоря уже о тяжких поражениях прежних лет — в Венгрии, Италии, Германии и Болгарии — дают мрачнейшую картину гибели стольких надежд и сил трудящихся.

Труднейшей задачей является — об'ективно, — определить причины этих многочисленных поражений в странах, которые по всем политико-экономическим расчетам анархистов и синдикалистов, а также, впрочем, и марксистов к периоду октябрской революции совсем созрели для социального переворота.

Несомненным является одно из звеньев целого ряда причин поражений — Западная буржуазия, почувствовав смертельную опасность, напрягла свой инстинкт самосохранения и весь свой стратегический гений и использовала огромное влияние социал-демократии, которая была достаточено организована, чтоб помешать пролетариату итти к решительной победе. Так, из недавно опубликованного дневника през. Вильсона явствует политическая махинация этого «великого демократа» с немецкой социал-демократией, которая поручилась ему перед свержением Гогенцолернов, что события дальше не пойдут, т. е. она не допустит их хода влево. Мы видели, что она свято выполнила свой долг...перед Вильсоном.

Последующие события в Германии, Италии, Англии и Австрии подтверждают без сомнения факт поголовного

предательства социал-демократии, которая из ненависти и боязни перед социальной революцией не видит, как набегающая после революции волна фашизма сносит в общем кровавом потоке и ее. Смена социал-демократических правительств фашистскими происходит с поразительной точностью в целом ряде стран.

Трижды ортодоксальные марксисты ответят на вопрос о поражениях тем, что Европа, очевидно, не доросла экономически до социализма. Но Америка, экономически переросшая всякие марксистские условия революционной зрелости, а между тем покамест не проявляющая готовности начать социальную революцию — является лучшим аргументом против подобных утверждений.

Несомненно одно, наша эпоха даст повод к тщательному пересмотру многих теорий,а также теоретических предрассудков, которые прочно вкоренились и по сию пору царствуют в различных революционных сферах. Начало этой переоценки мы наблюдаем уже теперь, и поскольку пересмотр будет искренним и сериозным со стороны всех, он сможет в будущем служить успеху социаль ной революции.

Но в данный момент понесенные поражения кровоточат тело Западного пролетариата. А враг между тем продолжает наступать. Где выход? При этом вопросе взор невольно устремляется на восток, к юбиляру, к России.

Что мы застаем в России к 10 годовщине? Чего она достигла, что стало с лозунгами октября?

Лозунг-минимум рабочего контроля, который был брошен большевиками накануне октября, к десятой годовщине кажется давно забытым чудачеством. Пролетариат работает на производстве, но не имеет в нем никакого права голосу, ни тем более права контроля. Земля крестьянам — второй лозунг октября — осуществлен в наше время, как переход земли к кулаку и хозяйственному мужику. Недавно Ларин отмечал в журн. «На аграрном фронте», что на Волге имеются крестьяне, владеющие неменьшими поместьями, чем любой из бывших крупных помещиков Поволжья. Не следует забывать, что это стало со времени нэпа, до введения которого деревня была уравнена. Что здесь мы видим влияние политики не приходится сомневаться.

Вся власть советам — лозунг, понятый в октябре, как самоуправление трудовых классов через советы — претворился во власть небольшой верхушки компартии, про которую Троцкий недавно выразился, что «над всеми политическими задачами доминирует одна — обезпечить самооборону группы Сталин-Бухарин». К этой характеристике трудно что-либо прибавить. Жаль только, что смелость и искренность явились к Троцкому слишком поздно, когда петля уже крепко затянула шею революционной России.

Свобода печати, слова, собраний и союзов, которые так необходимы самоуправляющемуся пролетариату, к моменту октября *существовали* и не находилось тогда такого смельчака, который бы в то время осмелился оспаривать их. Только завоевав власть, большевики всякими увертками отняли это орудие у пролетариата,тем самым сделав его социально бессильным. Многие нынешние оппозиционеры, которые тогда усиленно участвовали в узурпации этих элементарных прав трудящихся, теперь пожинают плоды. Ибо, отнятые сначала у трудящихся и переданные партии, эти права постепенно, логикой вещей, становились привиллегией все более узкого круга уже в недрах самой правящей партии и теперь сосредоточены в руках только правящей верхушки. Теперь оппозиция вынуждена или безмолвно смотреть, как гибнет такой гигантский организм, как ВКП, лишенный вследствие крайней централизации способности подняться и возродиться с низов, или же нелегальными листовками бороться с огромным механизмом, обладающим теми же средствами угнетения, что и любое фашистское государство. Борьба неравная. А ее предвидели все, кто болел за судьбы пролетарской революции. Ее предвидели и в рядах компартии. Так в 1922 г. Троцкий потдрунивал над Коллонтай: «Коллонтай изобразила дело у нас в партии так, что выходило будто месяцем раньше или позже рабочим массам во главе с тов. Коллонтай придется для установления «настоящего» советского строя устраивать «третью революцию». Почему же третью, а не четвертую, ведь третья во имя «настоящего» советского строя произошла в феврале в Кронштадте...», которую, добавим мы, Троцкий не задумался потопить в крови. Хотелось бы теперь, в свете опыта последних лет, задать Троцкому вопрос: кто был политически мудрее, — он или кронштадтские матросы или даже Коллонтай?

То же в вопросе о профдвижении. Мы давно высказывали мысль, которую высказывают теперь и большевики, что в самом пролетариате, а следовательно в его классовых организациях действуют различные идеологии; что каждая идеология имеет право на него идейно влиять. Но должно, по нашему, конечно, строго, различать между идейным влиянием и влиянием идеологии, стоящей под защитой государственной власти. Но большевики не поняли или скорее претворились непонимающими именно этого: если профсоюзы в России руководятся партией, а партия есть глава государства и всей хозяйственной жизни, то профсоюзы фактически руководятся государством и хозяином. Какая цена таким профсоюзам, видят и знают теперь в России все. Рабочие синдикаты в силу своей закабаленности, вследствие отсутствия у них необходимых политических прав, бессильны прекратить безобразия внутри себя, в партии и в стране. Об этом заговорили на последнем пленуме ВЦСПС «оппозиционята», как их назвал Томский. «Комсом. Правда» приводит отрывки из речей оппозиционеров-комсомольцев. Цитируем один из них: «ВЦСПС не защищает интересов рабочих. Рабочие перестают видеть в профсоюзах защитников своих прав и требовений. Отсюда ослабление связи между союзами и рабочей массой. Экономическое положение рабочих неизменно ухудшается, а ВЦСПС ничего не предпринимает для отражения ведущегося сейчас наступления на права рабочих... Рационализация проводится прежде всего за счет рабоче-класса».

Большевики, монополизировавшие русскую револю-

цию, связали судьбы последней с судьбами ВКП. Бюрократическое вырождение последней не преминуло отразиться на всей политике и привела в вышеописанной социально-политической картине.

Если удача октябрской революции послужила могущественным толчком и стимулом к революционной волне на Западе, то наоборот, обуздание революционной воли и энергии русских трудящихся и замена их партийной диктатурой тоже на преминуло отразиться на революционном тонусе Запада. Правда, следует отдать справедливость большевикам, они всеми средствами, часто довольно низкими, скрывают от зарубежного пролетариата истинное положение дел. Но, конечно, правда дошла и произвела свое впечатление. Этому последнему часто помогает деятельность советских дипломатов, вроде, например, недавних уверений Раковского в необыкновенном расположение его правительства к французской республике. и т. под.

В царствующей во всем мире реакции далеко не последнее место принадлежит России, которая, к стыду, часто служит даже путеводной звездой и примером для реакционных выходок разных фашистских правительств.

Западные коммунисты нередко огрызаются на анархистов за то, что доставляемыми последними сведениями о России, пользуется буржуазия. Это собственно и представляет последнюю стадию их морального и политического падения; ибо вместо того, чтобы бороться с безобразиями, которые творятся над трудящимися в «первом пролетарском государстве», эти лакеи от коммунизма потакают выходкам сегодняшних господ положения. По ихнему безусловно и всегда прав сильный. Так Семар (секр. Франц. компартии) после исключения Троцкого из ЦК коминтерна поспешил написать в l'Humanité, что Троцкий стоит за спиной Чемберлена.

Конечно, буржуазия пользуется компрометирующими сведениями о большевистском режиме для своих репрессий по отношению революционеров Запада. Репрессии большевистской реакции питают политическую реакцию на Западе—*их поэтому необходиом прекратить.*

Если в стабилизации капитализма заложена одна причина наступления буржуазии, то в политическом застое и реакции в большевистской России лежит неменьшее зло. Но исправление второго зла лежит в руках партии, которая пытается держать еще революционный фасон. В ее руках еще лежит *пока* возможность связать руки ГПУ и, наоборот, развязать революционную стихию в России. Это последнее помогло бы воспрянуть духом обескровленному рядом поражений европейскому пролетариату, Последние события в Вене и огромная волна протеста против казни Сакко и Ванцетти показали, что есть еще порох в пороховницах пролетариата. Нужна моральная поддержка, а ей не откуда притти кроме революционной России.

ВКП берет на себя последнюю тяжелую ответственность за судьбы русской и мировой революции. Врядли

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ

(К организационной проблеме)

I
ДВА ТЕЧЕНИЯ

Появление «Организационной Платформы» вызвало, как известно, среди русских — и не только русских товарищей — оживленные споры : одних «Платформа» обрадовала, как призыв к серьезному делу, способный влить новую энергию в движение; других возмутила, как проект преобразования движения в новом направлении, противоречащем основным принципам анархизма. Во всяком случае, она взбудоражила нашу среду, поставила ряд существенных вопросов и заставила многих глубже продумать свои взгляды на различные стороны анархического мировоззрения. Больше того: она поставила перед каждым анархистом вопрос об ответственности за дальнейшую судьбу движения, в смысле его практического влияния на будущий ход событий; она заставила задуматься над тем, все ли возможное было сделано до сих пор? не было ли ошибок, которые не должны больше повторяться? ни было ли пробелов, которые необходимо пополнить? В этом — большая и серьезная заслуга «Платформы»: как бы не была она несовершенна, какие бы ни были в ней ошибки и противоречия, вопросы поставлены. Ответы на них, вероятно, будут очень разноречивые; возможно, что, в результате, мнение анархической среды разойдется со взглядами авторов «Платформы», но толчек к этой умственной работе дан ею, и в этом смысле ее появление нельзя не приветствовать.

Центральная мысль авторов «Платформы» сводится к двум вопросам: 1) возможно ли об'единение различных анархических сил в одну организацию? и 2) должны ли анархисты выработать себе общую идейную и тактическую линию поведения?

Когда анархическое движение зарождалось, оно было едино: во времена Интернационала и Бакунина никаких различных течений в анархизме не существовало. И тогда можно было сказать, что анархисты образуют «партию», даже при отсутствии всякой формальной связи. Также было и в первые годы существования обособленного анархического движения, когда вырабатывались, — Кропоткиным и теми, кто группировался вокруг него, — главные теоретические и практические положения современного анархизма. Но по мере того, как идеи развивались и возникали новые вопросы, а главное — по мере того, как в движение вливалось все больше

она ее выполнит на благо последней. Всем коммунистам, русским и иностранным, следует *теперь* же понять, что развязать революционную стихию, возвратить пролетариату необходимые ему социально-политические права в России — значит спасти мировую революцию.

И. МЕТТ.

НА КОГО РАБОТАЕТ ГПУ.

Вот уже несколько лет, как в целом ряде стран Западной Европы некоторые правительства восстановили методы «юстиции», отмененные еще революцией 1789 года. Муссолини ввел в Италии режим «принудительного местожительства», благодаря которому стало возможным посылать в затерянные островки Средиземного моря любого анархиста, синдикалиста или коммуниста, заподозренного в антинациональной деятельности. Примо де Риверо также душит в испанских тюрьмах множество рабочих виновных лишь в крамольном мышлении; среди многочисленных анархистов, синдикалистов и коммунистов назовем хотя бы Маурина, испанского коммуниста, забытого своей же партией, который гниет в застенках уже более трех лет. Наши товарищи Сакко и Ванцетти, перед смертью, голодали несколько недель, протестуя против тайной коммиссии, которой губернатор Фуллер поручил разбор их дела.

Между тем почин тайных приговоров, вынесенных без гласного суда исходит из страны, которая позорит имя пролетариата.

В России, с 1918 г. *существует тайная политическая полиция*, носящая сейчас название Государственного Политического Управления (ГПУ), *не избранная рабочим классом, не контролируемая им, арестовывающая рабочих при самой глубокой тайне, судящая их в своих застенках, не допуская защитников, не вызывая свидетелей, выносящая приговоры, колеблющиеся между 3 годами ссылки и 5 годами тюрьмы, никогда не опубликовывая их, возобновляя их немедленно по окончании срока, создавая таким образом вечную ссылку, вечное тюремное заключение.*

Перед тем, как рассмотреть в отдельности каждую часть этого обвинения, нужно хоть мимоходом напомнить о роли русского правительства в деле Сакко и Ванцетти павших после семи лет заключения, по решению судебной коммиссии, прибегнувшей к *тайному* разбору их процесса.

Вся русская казенная печать, единственная, имеющая законное право на существование, тщательно избегали все, что могло хоть слегка напомнить о сути их жизни

число людей, разнообразие мнений становилось все значительнее и стали появляться различные течения в анархизме: одни выдвигали на первый план одну его сторону, другие — другую; в зависимости от условий, от страны, от прошлого, от индивидуальности, люди приходили к анархизму не одинаковыми путями и, принимая его в целом, давали на новые возникающие вопросы часто разноречивые ответы. Это — необходимая эволюция, это — даже не неизбежное зло, потому что это — вовсе не зло: так должно быть в развитии каждой живой мысли, каждого живого движения. Иначе получится застой, религиозная секта, мертвый катехизис. Ту же самую эволюцию пережила и самая идея социализма: можно ли говорить теперь об едином социализме, когда существует, может быть, несколько десятков социалистических течений? Помимо основного деления на социалистов-государственников и социалистов анти-государственников, в каждой стране можно насчитать не менее 5-6 направлений в одном только государственническом социализме, иногда выделенных каждое в особую партию, иногда уживающихся в одной партии, в качестве борющихся между собой большинства и меньшинства. И что же? Нужно это считать слабостью, регрессом социалистического движения? Наоборот: Это — признак его распространения и роста. Об'единить все эти течения в одном было бы утопией, безнадежною и для дела безполезною.

У нас, в анархизме — то же самое. У нас существуют коммунисты и индивидуалисты, синдикалисты и анти-синдикалисты (вернее, не придающие профессиональным союзам серьезного революционного значения); среди русских товарищей у нас есть защитники идеи переходного периода и противники ее, есть примирительно относящиеся к идее диктатуры и есть решительные враги всякого подобия ее. А затем существует и просто различный подход к анархизму, в зависимости от индивидуальности: одного привлекает в нем широта общечеловеческой идеи, высшая гумманность, другого — идеал истинного экономического равенства и непримиримая борьба за освобождение от гнета капитала; третий выдвигает на первый план свободу личности и ее всестороннее развитие, и т.д. Возможно ли, чтобы всех этих оттенков не существовало? Нет, невозможно и нежелательно, потому что исчезновение их всех, кроме одного, предполагало бы крайнее с'ужение круга сторонников анархических идей.

Все эти оттенки можно, в общем и самом существенном, свести к двум течениям, скорее даже к двум складам мысли, к двум оценкам путей к достижению общего идеала.

Для одних анархизм прежде всего — *общественное движение*, борющееся за осуществление на практике определенного общественного идеала, идеала, которому свойственны определенные политические и экономические черты. Для других анархизм это прежде всего широкая идея свободы, которая пробивает себе пути в человеческие умы во всевозможных формах, часто очень

и смерти: об их принадлежности к анархическому движению. Напрасно бюро анархистов просило разрешения созвать анархический митинг в их защиту; правительство им определенно отказало. Последние письма наших товарищей прошли сквозь когти американских долларников, побоявшихся к ним притронуться; русское же правительство не постыдилось исковеркать их, приказав своему оффициальному телеграфному агентству вычеркнуть все слова, указывающие на нерушимую верность наших товарищей к анархической мысли.

Тайная полиция, которую создало русское правительство, не избирается рабочими; лишь ее председатель назначается ЦИК'ом, и ему предоставляется назначать своих сотрудников, с которыми он делит свои полномочия.

Никогда ГПУ не представляло отчета о своей деятельности; нигде ни в печати, ни на с,ездах советов или профсоюзов, даже на партийных с'ездах оно не отчитывается. Короткие сообщения, которые появляются иногда в газетах, относятся к монархистам, к иностарнным шпионам, к бандитам; никогда приговоры, вынесенные над рабочими анархистами или синдикалистами, не публикуются.

Это исключительное обращение проявляется также во время комедии судебного разбирательства. Так например Дружиловский, автор фальшивых «советских» документов, Анненков и Денисов, колчаковские генералы, имели защитников, вызывали свидетелей ; казенная печать оглашала их об'яснения; зато самая глубокая тайна окружает приговоры, вынесенные над анархистами и синдикалистами.

Никогда к ним не допускают защитников; во время следствия свидетели вызываются лишь с согласия следователя.

Теоретические сроки заключения колеблются между вышеуказанными пределами; на самом деле по истичению наказания заключенные, отказывающиеся покаяться, немедленно отправляются в новую ссылку или тюрьму.

Коммунисты пытались скрыть от заграницы это право тайного судьбища, признанного за ГПУ; к несчастью русский посол Раковский, который часто выбалтывает вещи, неприятные для своего правительства, признал в мае 1926 г., об'ясняясь с делегацией французских профработников, что такая административная юстиция применяется. В декабре того же года его лакей, Давтян, состоя советником при посольстве, с наглостью, присущей русским хозяйственникам, кичился применением этих методов перед нашими товарищами из Международного Комитета защиты анархистов.

ГПУ не ограничивается тем, что преследует рабочих, заподозренных в участии в анархических группах; несколько месяцев тому назад «Труд», орган русских профсоюзов, был принужден отметить арест ГПУ председателя местного об'единения калужских профессиональных организаций и инспектора труда, пожелавших

далеких от общественной борьбы.(в философии, в искусстве и т. д.). Конкретный политико-экономический идеал и борьба за него имеют с этой точки зрения второстепенное значение, потому что анархизм, понимаемый как провозглашение первенствующего значения личности, ее свободы и ее всестороннего развития, — вечен и никакой общественный строй никогда не удовлетворит его вполне. Эти два течения не противоречат одно другому; они просто соответствуют разным оценкам окружающего, разным умственным интересам, иногда даже — настроениям. Они вполне могут уживаться рядом без столкновений и без борьбы, потому что и то и другое ведет к одной и той же цели. Но необходимо помнить, что существованием современного анархизма, как *цельного миросозерцания*, мы обязаны тем его основоположникам, которые строили его как *общественный* идеал и как *общественную борьбу за него*. Бакунин и Кропоткин пришли к анархизму, как к синтезу свободы и равенства в стремлениях народных масс к своему освобождению; для них анархическое движение являлось самой новой и самой совершенной формой борьбы за *реальное* воплощение освободительных идей. И, не довольствуясь отвлеченной теоретической пропагандой, и Бакунин, и — в особенности — Кропоткин всегда ставили *на первый план* выработку понятий о возможных конкретных формах, в которые может вылиться безгосударственное общественное строительство. Бакунин первый наметил те положения, из которых впоследствии вырос революционный синдикализм, с его пониманием роли рабочих организаций в социальной революции. Что касается Кропоткина, то кто больше его задавался вопросами будущего практического строительства и изучал все то, что в современном обществе может подготовить его? Начиная с одного из его первых докладов (об «Анархической идее с точки зрения ее практического осуществления») на конгрессе Юрской Федерации Интернационала (1879 г.) и кончая последними его письмами, писанными уже в России, после революции, мысль о создании тех свободных учреждений, которые смогут осуществить социалистический строй вне государства, не покидала его во все годы его деятельности; всякой работе в направлении выработки положительных анархических общественных форм он придавал всегда первенствующее значение. Эти первые теоретики и создатели современного анархизма сделали, конечно, много для прогресса человеческой *мысли*, но они боролись не за один только этот прогресс, а за то, чтобы отвлеченные освободительные идеи спустились на землю и претворились в реальные общественные формы, облегчающие человеческую *жизнь*. И все анархическое движение последних 50 лет было именно борьбою за реальный общественный переворот, и если столько самоотверженных людей погибло за идею анархизма, то именно потому, что она была для них знаменем борьбы за *осуществление* высокого идеала.

Понимание анархизма как идеи свободы в общей фор-

обследовать условия работы грузчиков на станции Калуга. Новая охранка не постеснилась послать в ссылку и держать в тюрьмах членов московской «Группы рабочих», выступавших за самостоятельные профсоюзы, независимые от всякой политической партии.

Надо, чтобы весь рабочий класс и в особенности рабочие коммунисты знали истину. На Западе она станет полностью известна лишь, если искренние коммунисты добьются с нами отправки в Россию делегации, составленной из представителей всех трех профсоюзных течений; конечно эти представители, чтобы выражать действительно волю своих профсоюзов, должны быть назначены на общих собраниях этих об'единений, а не быть назначенными каким нибудь комитетом, стоящим вне профессиональных об'единений; наконец, необходимым условием, позволяющим избегнуть возможность обмана, является присутствии при делегации русского анархиста, знающего оба языка и побывавшего в русских тюрьмах.

Когда мировой пролетариат узнает истинное положение дел, русское Государство Хозяин не сможет более отказывать рабочим анархистам и синдикалистам в том, в чем Муссолини, Ляпчев, Хорти были вынуждены уступить своим рабам: в амнистии. Да, освобождния тем, кто восстал за трудящихся.

Русское правительство амнистировало солдат и офицеров белых войск Миллера, Колчака и Деникина; недавно украинское правительство рассматривало проект амнистии инженерам и техникам, приговоренным за несоблюдение мероприятий по охране труда; готовится освобождение палачей труда. Неужели мы не сумеем вырвать на волю тех, кто посмел требовать улучшений жизненных условий тех, кто надрывается на работе.

Мировая реакция с жадностью следит за применением тайных судилищ в России; если, благодаря своему молчанию, рабочие Запада окажутся сообщниками этих действий, они сами почувствуют себя виновными в день, когда буржуазные правительства, окрыленные примером коммунистического государства, отымут у нас последнюю возможность защищать жертв классовых судов.

Н. ЛАЗАРЕВИЧ.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ НА УКРАИНЕ

Месяц октябрь 1917 года выражает собой великий исторический этап русской революции. Этот этап заключается в том осознании трудящимися деревни и города самих себя, своих прав на свои наследия, имя которым, как известно: возделанные земли, построенные города, дома, фабрики, заводы, рудники, угольные копии, тран

ме, не связанной ни с каким определенным общественным строем, явилось уже позднее — тогда, когда анархизм вышел за пределы революционной рабочей среды и стал известен ряду просвещенных культурных работников, возлагавших все надежды не на революцию, сразу расчищающую почву для нового строительства, а на постепенное совершенствование личностей и общественных групп в недрах современного общества. Отсюда опять таки разница в точке исхода; одни говорят: изменение общественной среды породит и новых людей; другие говорят: новое общество будет возможно только тогда, когда воспитаются соответственные ему люди. Поэтому, первые — революционеры и коммунисты, вторых же можно назвать культурниками.

Кроме того, это еще и вопрос характера эпохи. Обычно, та точка зрения, которую мы для краткости назвали «культурническою» бывает плодом разочарования в каком нибудь революционном движении, потерпевшем неудачу. Все казалось так близко и все рушилось! Поневоле человек начинает искать убежища и успокоения в том, что всегда верно, не подвержено никакому риску, никогда не изменит: в работе для умственного прогресса человечества вообще, работе, которая, в конце концов, послужит несомненно тому же идеалу. Наоборот, «революционное» течение — результат под'ема, оптимизма, великих надежд. Недаром к нему всегда примыкает молодежь и те, в ком сильна вера.

Но бывают времена, когда об'ективно, *для всех*, задача практического строительства нового общества выдвигается на первый план и всем приходиться считаться с ними. Таково наше время. Все отвлеченные вопросы социализма перестали быть отвлеченными и явились в самой жизненной форме. Теперь все — и самые умеренные и самые крайние — убеждены в близости решающих общественных перемен, и каждый из нас ясно представляет себе момент, когда откроется возможность всяких осуществлений, всяких попыток — и не только возможность, но и обязательность. Сколько бы теперь не говорили о том, что идеальное общество будет создано только достойными его личностями, которым еще предстоит воспитаться, жизнь требует решения насущных вопросов *сейчас*, при *наличном* человеческом материале, и ждать не согласна. Возможно, и даже вероятно, что анархические стремления в человечестве — вечны; но для попытки осуществления анархического общественного идеала есть определенная эпоха, определенный момент, и когда этот момент настает, анархисты должны уметь предложить свои решения для всех вопросов строительства новой жизни.

Повсюду растет умственный спрос на «конструктивные» социальные системы. И из двух течений анархизма естественно должно получить перевес то, которые выдвигает на первый план активное творчество общественных форм.

М. КОРН.

спорт, наконец, обучение, которое помогло отчуждению этих богатств у наших предков.

Однако с нашей точки зрения было бы великим заблуждением приписывать октябрю целиком все содержание русской революции, ибо она была подготовлена на протяжении целого ряда месяцев до октября, во время которых крестьяне по деревням, а рабочие по городам разобрались в самом насущном по тому времени, а именно: может ли февральская революция по своему существу служить символом для этих масс для их дальнейшего освобождения от экономического и политического гнета. И безбоязненно ответили себе: «Нет Февральская революция в своем процессе приняла вид уродливого детища либеральной буржуазии и, как таковая она уже безпомощна стать на широкий путь социального действия и они перешагнули политические рамки, установлен. заправилами февральской революции, и особо заметно начали прерывать всякую связь с псевдо-революционным характером и целями Февраля сейчъс же вслед за ним. Правда, порывание этой связи тружениками с неудовлетворившими их идеями Февраля на Украине носило двоякий характер. Так например: в то время, как пролетариат по городам, благодаря слабому идейному влиянию на них анархистов с одной стороны, и благодаря неосведомленности в главных чисто внутренних задачах политических партий с другой, считали первым и важнейшим своим долгом в начатой борьбе за развитие революции то, чтобы заменить власть каолиции правых социалистов с буржуазией, новой чисто-социалистической властью в лице власти советов на местах; в это самое время по деревням, в особенности в запорожской части Украины, где самодержавие не успело совсем убить вольность духа, революционное трудовое крестьянство считало первым и важнейшим своим делом то, чтобы как можно полнее использовать время прямого революционного действия и скорее освободиться от власти помещика и кулака, считая, что освобождение от помещиков облегчит победу над политической каолицией социалистов с буржуазией.

Поэтому то на Украине крестьяне начали свое наступательное действие с отобрания оружия у буржуазии (этому много содействовал контр-революционный поход генерала Корнилова на Петроград в августе 191 г.). затем с отказа вносить в волостные и уездные земотделы вторую годовую часть арендной платы помещикам и кулакам за землю, которую агенты каолиции с особым усердием выжимали из крестьян и уплачивали помещикам так как по декр. Времен. правительства каолиции земля до решения Учредительного Собрания должна была оставаться неот'емлимой собственностью помещиков и кулаков; а затем они начали с прямого захвата всех кулацко-помещичьих, монастырских и государственных земель, живого и мертвого инвентаря в непосредственное ведение своих местных, наспех реорганизованных земельных комитетов и распределения их между своими сельскими обществами, а последние между их членами.

Во всех тогдашних настроениях трудового революционного украинского крестьянства яркой нитью проходил стихийный анархизм, нескрываемая вражда ко всякой государственной власти и стремление освободиться от нее.

Стремление крестьян к этому было очень велико. По существу своему оно заключалось в том, чтобы избавиться от милицейского института, от присланного из центра судьи и т. п. и оно во многих районах Украины имело свое практическое выражение. Есть много фактов, свидетельствующих о том, как крестьяне Екатеринославской, частей Таврической и Херсонской, Полтавской и Харьковской губ. или изгоняли из своих сел милицию, или лишали ее всяких прав на аресты, когда бы то ни было без ведома крестьянских общественных комитетов и сельских сходов и часто милиция выполняла роль разносчиков тех или других общественных постановлений и прочее. То же было и с судьями. Крестьяне судили всякие проступки на своих сельских сходах и собраниях, судей же профессиональных, присланных центральной властью, лишали всяких прав судить кого бы то нибыло и сплошь и рядом они подпадали под такую опалу революционного населения, что принуждены были сами разбегаться. Такое отношение крестьян к своим индивидуальным и общественным правам естественно заставило их опасаться, как бы лозунг «власть советов» не претворился бы в подлинную государственную власть; опасения эти, быть может, не так ярко проявлялись в городском пролетариате, который больше был под влиянием социал-демократии и большевиков. По крестьянски «власть советов на местах» значила превратить советы местные в территориально-автономные единицы революционного группирования и хозяйственно-общественного самоуправления трудящихся на пути нового социального строительства. Принимая лозунг «власть советов на местах» в этом смысле, крестьяне восприняли его, развивали и защищали от покушений на него со стороны право-социалистических, конституционно-демократических и монархической контр-революции.

Когда украинские крестьяне целого ряда губерний отказывались вносить вторую годовую часть арендной платы помещикам и кулакам и захватывали их земли и инвентарь в общественное достояние, когда они из деревень посылали своих делегатов к пролетариям городов, чтобы сговориться с последними о захвате заводов, фабрик и других отраслей производства в свое ведение и устанавливать живую братскую связь с деревней, чтобы совместно и на более прочных организационно-трудовых началах строить и с оружием в руках защищать новое свободное общество тружеников — тогда октября еще на было. Тогда практическое применение идей «Великого октября» только подхватывалось врагами и сторонниками его и живо обсуждалось в группах, организациях, партиях и ЦК последних.

Таким образом Великий октябрь, в его оффициальном датированном смысле, является для украинской революционной деревни уже самочинно пройденным этапом. В дни октября петроградский, московский и ряда других городов России пролетариат, а также солдаты и крестьяне прилегавщих к городам деревень, под влия-

нием анархистов, большевиков и левых эсеров только оформили и с политической стороны более четко выразили то, за что украинская революционная деревня многих районов начала активно бороться еще с августа месяца, в условиях далеко неблагоприятных в смысле поддержки ее городским пролетариатом.

Однако, отзвуки этих октябрьских выражений пролетарской воли по городам дошли на Украину после октября, через месяца полтора. Дошли они сперва через партийных гонцов и воззвания, а затем посредством декретов Совета Народных Комиссаров, к которому украинские крестьяне, как не учавствовавшие в выборах его, отнеслись подозрительно. А потом уже появились на Украине красногвардейские группы и части из России, которые атаковывали всюду узловые станции и города, выбивая из них контр-революционные и вольного казачества войсковые части Украинской Центральной Рады, которая была заражена шовинизмом настолько, что не могла ни видеть, ни понимать того, с кем украинское трудовое население идеологически роднится, какой революционный дух проявляет в борьбе за свою политическую и социальную независимость.

Давая эту заметку о Великом Октябре в его 10-ую годовщину, мы должны подчеркнуть, что то, что мы делали на Украине в деревнях ,сочеталось через два месяца с действиями революционных тружеников в Петрограде, Москве и других городах. Как чтим мы революционную веру, энтузиазм, проявленные украинской деревней до октября, так же чтим и преклоняемся пред идеями, волей и энергией, проявленными русскими рабочими, крестьянами и солдатами в дни Октября.

Правда, касаясь прошлого, мы не можем пройти молча мимо настоящего, так или иначе связанного с делом Октября. Мы не можем не выразить моральной боли за то, что все идеи, которые 10 лет назад нашли свое выражение в октябре попраны теми, кто за их счет добрался до власти и теперь правит Россией. Мы выражаем свою боль за тех, кто боролся вместе с нами за торжество октября, и кто теперь гниет по тюрьмам и концлагерям, чей стон от избиений и вопль от голода доносится до нас и обязывает нас выражать вместо радости 10-й годовщине Великого октября, скорбное терзание души и ума. По долгу революционеров мы еще и еще раз подаем свой голос через все границы в СССР — *Свободу, возвратите сынам Октября, права организации и проповеди их идей.* Без свободы и прав для трудящихся и революционных борцов СССР задыхается и убивает лучшие идеи в себе. Враги его злорадствуют над этим и во всем мире готовятся всеми путями и при помощи всевозможных средств добить совсем революцию, а с ней и СССР.

Н. МАХНО.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Уже десять лет прошло со дня октябрьского переворота. Время летит быстро. Для исторических явлений и эпох эти десять лет, как один день. Но для людей, переживающих и переживших эту эпоху, это время кажется убийственно долгим и тяжелым.

Ясно одно, что во всех странах, во всех классах, их населяющих, и все партии сделают соответствующую для них, присущую им оценку октябрьского переворота и его последствий.

Господствующая партия в СССР, В.К.П. готовится к своему торжественному десятилетнему юбилею и, конечно, будет звонить на весь мир о значении октября и его результатах; о достижении и успехах своего монопольного господства. Все обрисует в розовых красках и покажет с радужной стороны. Все успехи октября припишет только себе, а все недостатки, недочеты, промахи и ошибки свалит на голову своих врагов и конкурентов. Такова историческая логика всякой правящей партии и клики. То же самое имело место и во французской революции. Воспевались вожди, Мараты, Робеспьеры и т.п. но о подлинном творце, о подлинном хозяине революции, об этих безымяных героях ни слова.

Разумеется, партия ВКП в день своего 10-го юбилея господства снова заговорит о Ленине, ленинизме, о его великих способностях, а о массе, о рабочих, крестьянах ни слова.

Невольно у всех трудящихся всего мира возникает мысль, что если бы большевики, партия ВКП, своей тактикой, методом и программой не удовлетворяла бы всем чаяниям русских трудящихся масс, то она ВКП, не могла бы держаться у власти целых десять лет.

Чтобы ответить на этот вопрос нам и необходимо детально разобраться в сути Октябрьской революции и в психике партии ВКП и ее успеха.

Десять лет тому назад, как гром прокатилось по всей великой революционной стране низвержение буржуазно-капиталистического строя. Если февральская революция явилась, как результат революционной подготовки трудящихся классов за длинный период, то октябрьский переворот был подготовлен и совершен в течении нескольких революционных месяцев самой революционной рабоче-крестьянской массой. Революционная работа и революционный процесс в рамках монархического режима требовал долголетней медленной работы. Наоборот, во время свободного творчества, в процессе революции, для подготовки к октябрьскому перевороту потребовалось несколько месяцев. Такова сила свободной инициативы и революционного творчества во время революции. Вся суть, сила, успех и мощь октябрьской революции были заложены и имелись в этом революционном творчестве бурливых масс городского пролетариата и трудового крестьянства России. Подобно Парижской коммуне, октябрьская революция была создана и подготовлена естесственным процессом в ни-

зах. В каждом заводе, на каждой фабрике, в каждой деревне, селе и городе в то время было свое революционное, инициативное, низовое меньшинство, ставшее силой и оплотом октября в низах. Если в былые времена, как и ныне, массы трудящихся крестьян и рабочих, слишком редко имели и имеют возможность высказывать свое мнение, то зато в период революции они дали яркий пример того, сколь превосходно они пользуются свободой в интересах своего освобождения и разбираются в сложнейших социально-политических вопросах.

Не хочу я здесь оспаривать или отнимать успех у ВКП, их уменье руководить массами, действовать революционно, но зная октябрскую революцию, как ее участник с первых ее дней, должен указать на то, что это их уменье действовать революционно не их, оно чужое, краденное, отнятое ими непосредственно у революционных масс и присвоенное ими себе. Об удовлетворении рабоче-крестьянских масс программой большевиков говорить не приходится просто потому, что сами большевики ее не имели; после 10 лет господства 99 % населения не имеет понятия об их программе, а из числа действительных членов ВКП добрые 50 % не знают таковой. Весь их успех, вся их сила руководства массами в приспособленчестве, в гибкости, в увертке, лжи, хитрости и сплошном противоречии с самим собой и своими идейными принципами, а главное в железной партийной дисциплине, в ее монолитности, организованности, в уменьи использовать революционаризм трудящихся в свою пользу. Революционность же масс того периода была сильна, глубока и велика. Она проявлялась в форме прямых их рабоче-крестьянских организаций, советов, заводских комитетов, профсоюзов и кооперативов. Эти организации были сердцем, главными ячейками октябрьской революции в ее социальном смысле.

И не только большевики умело использовали для себя весь революционизм масс, но даже работу остальных партий и нашу анархическую прибрали к своим рукам. Для достижения своих целей, укрепления влияния и престижа среди масс большевики не останавливались ни пред какими средствами, сплошь и рядом использовывая анархические лозунги и анархическую тактику. В то время в Советах, в заводских комитетах и профсоюзах выявлялась, кристаллизовалась и оформлялась низовая революционная мысль, лозунги, запросы и требования масс. В массах же, в низах были и работали анархисты и нас было не мало. Наше же воздействие на массы и было в немалой степени причиной революционных лозунгов и запросов масс. Мы знаем, что все организации масс только тогда имеют цену, когда они возникли из самой жизни и насквозь пропитаны тем духом, который их вызвал к жизни, т. е. в данном случае духом революции. Революционное творчество масс породило лозунги: «Долой войну», «Фабрики рабочим», «Земля крестьянам». Весь воздух был пропитан левыми, анархическими лозунгами. Буржуазно-капиталистическая власть всячески препятствовала революционному творчеству масс, и тем самым все больше и больше укрепляла революционное сознание их. Массы верили в свои силы и успех революциии и принимали существующие государственные формы за продукт сознательного недоброжелательства, препятствовавшего осуществлению максимума возможного; поэтому они стремились революционными способами добиться этого самим. Для примера приведу выдержку из речей рабочего на первой Петроградской конференции Заводских Комитетов с 20-30 мая 1917 г. Тов. Воронков, раб. нового Арсенала): «...когда сначала революции администрация разбежадась, рабочие остались фактически хозяевами. Для того чтобы поддержать производство, пришлось забрать заводы в руки заводских комитетов». Тов. Черняков с зав. Респиратор заявляет: «Вы говорите о контроле над производством. Мы рабочие на местах фактически не только осуществили этот контроль, но уже взяли заводы в свои руки. А вы этого боитесь, боитесь жизни, боитесь того, что уже осуществляется».

Даже самый видный большевистский спец по профдвижению Томский признает за рабочими силу их революционизма. В его «Очерках профдвижения в России» (изд. ВЦСПС,) он пишет: «Уже через три месяца после Февральской революции в речах ораторов рабочих слышится здоровый пролетарский анализ переживаемого момента и первый рокот грядущей социальной революции.

На той же конференции другой тов. Железнов заявил: «Мы берем фабрики, заводы, достаем сырье и топливо, а братья крестьяне берут землю, леса, именья. На этой конференции не мало было анархистов рабочих: Черняков, Орлов, Жук и др.

Этими то революционными действиями, лозунгами, заявлениями и воспользовались большевики в своих партийных настроениях. Они жадно прислушивались к желаниям крестьян и рабочих. Каждый лозунг, выходящий из недр революции брали себе и выставляли в своей программе, как лозунг, выходящий из партии, придерживаясь принципа практической политики и тактики. А ведь всякая практическая политика оправдывается в данный момент, а идеи лишь в отдаленном будущем. Они стремились к власти во что бы то ни стало. Вначале же социальной революции положение было таковое, что о власти никто не помышлял и не думал в массах, а жили лишь борьбой и углублением социальной революции. Для скорейшего осуществления своей политики большевики бросили лозунг: «Вся власть Советам». Под этим лозунгом шла социальная революция октября. Рабочие и крестьянские массы понимали его так: — руководителем всей социально-политической жизни страны должны быть Советы; не как власть в подлинном смысле этого слова, а как рабоче-крестьянская регулирующая организация, выбранная с мест, с заводов и деревни.

После октябрьского переворота пошла гражданская война. Эта то война и дала возможность постепенно укрепиться большевикам. Но к своему господству над массами шли они осторожно и постепенно. А по всему необ'ятному пространству страны шла революционная работа сама по себе, без участия центров и власть захвативших. Власти фактически никакой не было, никто ее

не ощущал, да она себя ничем не проявляла; все делалось местными советами и комитетами, т.е. самими массами. К этому времени большевики для укрепления своего престижа издали декрет о «власти на местах».Затем заговорили о диктатуре пролетариата, так постепенно, постепенно придвигаясь к своей цели, к партийной диктатуре. Массы же на низах, между тем, творили подлинную революцию, на каждом шагу укрепляясь и защищаясь от врагов всякого рода. Я помню, как участник и сам это говорил в повстанческой махновской армии: «вот только бы отбить врага, защитить завоевания октября от контр-революции и победить ее совсем, тогда с большевиками справимся легко, в два счета и прекратим сразу их любимую игру во власть». Но нашей роковой ошибкой было то, что мы, революционные рабочие и крестьяне, позволили с самого начала наростать большевисткой власти, которая в конце концов и задушила социальную революцию в стране.

Но для того, чтобы не дать разростись и укрепиться большевикам и их партийной диктатуре нужна была организованная революционная анархическая партия, которая могла в то время поддерживать революционные действия и настроения в стране, в то же время идейно влиять на них в анархическом, антигосударственическом смысле. Этого не было. Ее необходимость теперь вытекает, как первый урок октября.

А. ЧЕРНЯКОВ.

ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА

В годовщину кровопролитнейшей из войн, каждый рабочий и крестьянин спрашивает себя: будет ли новая война, повторится ли кровавый кошмар 1914-18 гг.? В особенности же она интересует русского рабочего и крестьянина.

Будет ли война? Несомненно будет. Было бы преступлением успокоиться на какой нибудь пацифистской иллюзии или верить на слово заправилам Лиги Наций. Если война только возможна, то пролетариат должен уже принять меры для борьбы с нею.

К сожалению большая часть, подавляющая часть мирового пролетариата верит в Лигу Наций, смотрит на нее, как на единственно возможное средство спасения от всякой будущей войны, не интересуясь никакими другими средствами борьбы с нею. В таком отношении большинства трудящихся к Лиге Наций заложена огромная опасность. И все это несмотря на то, что последние события доказали как нельзя ярче, что Лига Наций есть союз великих держав, направленный против малых держав и что сосуществование большинства держав в одной Лиге совершенно не влияет на уменьшение империалистских соревнований этих держав между собой, соревнований, которые всегда приводили и будут приводить к войне.

Существует старая римская пословица: Si vi pocem, para bellum, которая значит: если желаешь мира, готовься к войне. Если судить о мирных намерениях по состоянию вооружений, то, казалось бы, что весь мир поет великий гимн миру, ибо... все государства усиленно вооружаются, все готовятся к войне. Льются сладкие речи о мире и производятся оружие, амуниция, удушливые газы и танки, военные суда, воздушный флот и т. д.

Соединенные Штаты, Англия, Япония, Италия увеличивают на миллионы долларов военные позиции в общих государственных бюджетах. Франция приняла проект социалиста Поль Бонкура выдвигающий на случай войны призвание на службу всего населения обоих полов, без разницы в возрасте. В Польше для порабощения на случай войны рабочего класса издано распоряжение президента республики о переходе на случай войны всего аппарата промышленности и торговли в руки правительства для военных целей. Химические лаборатории усиленно приготовляют уничтожающие материалы для грядущей войны и стараются в этом человеколюбивом и вполне «мирном» занятии перещеголять друг друга. Грядущая война, очевидно, будет раньше всего войной химической. Техника этой области делает ошеломляющие успехи. В 1911 г. государства знали 30 химических средств, вызывающих смерть, частичные удушение, тяжелые или легкие поранения человеч. органов. В 1924 г. государства знают уже таких средств около 1000. В 192 г. государства знают уже 2000 средств химической борьбы. Таким образом жертвой будущей войны будет все гражданское население, дети, женщины, инвалиды. Химические бомбы втечении нескольких часов сумеют уничтожить целые города. Таков язык не слов, но фактов.

Существуют еще факты. В августе т. г. состоялась в Женеве конференция представителей трех могущественных морских держав — Соед. Штатов, Англии и Японии по вопросу о разоружении морских сил. С первых же дней конференция о *разоружении* (ограничении вооружений) превратилась в конференцию о *вооружении* (усилии вооружения). Конференция, как известно, кончилась постыдным крахом. Англия подписала отдельную конвенцию о вооружении с Японией. Как видно, эти державы смотрят на Америку, как на самую могущественную империалистическую мировую силу. Вот, как государства «разоружаются».

Несколько недель тому назад подал в отставку представитель Франции в Лиге Наций сенатор де Жувенель. Мотивирую свою отставку, де Жувенель, буржуа, ничего не имеющий общего с рабочим движением, заявил, что Лига Наций это агентура больших держав для притеснения малых держав и что в такой Лиге Наций он, де Жувенель, как честный и ответственный за свою политическую деятельность, сотрудничать не может. Приблизительно то же самое заявил, подавая в отставку не-

сколькими неделями позже, делегат Англии в Лиге Наций лорд Сесиль. Последние события в Женеве, жалкий конец проекта Сокаля о пакте всеобщего ненападения, погребенного заживо великими державами (проект этот между прочим был продиктован чисто националистически ми побуждениями — получить гарантию западных границ Польши и предлагал оставить Европу в рамках Версальского договора), лишний раз доказывает, чем в действительности является Лига Наций. Все эти факты говорят за себя. Говоря о мире, все государства вооружаются, ибо ни одно из них в мир не верит.

Казалось бы с другой стороны, что для буржуазии война не всегда выгодна. Вот, например, европейские ученые экономисты и статистики пришли к выводу, что в великой мировой войне не победила ни Англия, ни Франция, не говоря уже о Германии и Австрии. Все эти страны были побеждены, ибо хозяйственно разрушились на долгие годы. Победила лишь Америка, которая при помощи союзников уничтожила своего опаснейшего конкурента в Европе Германию и подчинила себе хозяйственно и финансово всю Европу. 11 миллионов рабочих и крестьянских трупов положила Европа для того, чтобы нынешние убийцы Сакко и Ванцетти стали властителями мира.

Желает ли буржуазия после этих жалких результатов войны? Если бы могла не желать, то может быть и не желала бы. Вся суть капиталистического строя именно в том, что буржуазия не может не желать войны, что она *принуждена* к ней прибегнуть, хочет ли она этого или нет, когда грозит ей хозяйственная смерть от конкурирующей с ней буржуазии другой страны. Такова уже превратная логика полного внутренних противоречий капиталистического строя. Пока существует капитализм, будет существавать война, несмотря насладкую фразеологию буржуазных и социалистических политиков. Так или иначе пролетариат должен готовиться к войне с ней.

Трудно предвидеть, где вспыхнет война: между Италией ли и Югославией, между Англией и Россией, между Польшей и Германией, или же всей Европы с Америкой. Во всяком случае к войне готовятся и война будет. Еще одно следует напомнить, что мелких местных войн теперь не будет уже. Всякая будущая война будет мировой войной. И это лежит в характере современного империализма.

Я. В.

ТРУДОВАЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

(Продолжение)

Член совета может быть в любую минуту отозван избравшими его и заменен другим. Совет является органом перманентным, расширяющим или с'уживающим свои функции в зависимости от воли населения данной местности. В вопросах местных совет есть высший орган воли местных трудящихся. В вопросах общих политических, касающихся страны или области местный совет представляет волю местного населения. Члены совета не есть законодатели. В каждом определенном вопросе, по поводу которого они защищают те или иные положения, они должны иметь мандат от своих избирателей.

Совет состоит не из представителей политических партий, но из представителей организаций производственных, потребительских, культурно-просветительных, жилищных, транспортных и др. представляющих все жизненные соприкасающиеся интересы местных трудящихся. Совет есть тот перманентный орган, который все эти интересы, иногда противоречивые регулирует, учитывая данные существующих при нем научных и статистических комиссий.

Можно спорить насчет тех или других функций советов, но что такой орган, обнимающий всю совокупность общественной жизни местных трудящихся на второй день соц. революции, безусловно необходим — об этом спорить нельзя. Это очевидная необходимость. Решения советов должны, по нашему, приниматься большинством голосов. Мы знаем, что против этого положения выскажутся многие товарищи в силу привившегося в нашей среде предрассудка о том, что принимать решения большинством голосов есть принцип не анархический, а государственический. Мы все-таки утверждаем, что решение данного вопроса большинством голосов не имеет ничего общего с государственным насилием, что это есть единственно целесообразный и разумный способ решения спорных вопросов в эпоху революции в обществе свободных советов и трудовой демократии, и мы это постараемся доказать.

В анархической литературе точку зрения большинства анархистов на этот вопрос изложила тов. М. Корн в своем докладе «Об организации», читанном на с'езде анархистов-коммунистов в октябре 1906 г. (Сборник докладов «Русская Революция и анархизм», Лондон 1907) в следующих словах: «Как решаются, например, спорные вопросы? Разумеется не большинством голосов, потому что мы не придаем цены числу: сами — вечно в меньшинстве (таков всегда удел революционеров), мы знаем цену численного превосходства и не считаем решения правильными только потому, что за него высказалось 11 человек, а не 10. По каждому данному вопросу в группе должны *придти к соглашению*. Если же вопрос настолько важен, что никакие добровольные уступки невозможны, то непозволительно было бы прибегать к механическому давлению числа: тогда остается только разделиться».

Во первых, мы могли бы указать на то, что сказанное М. Корн касается только анархических групп и может не быть применимо к советам, так как трудовая демократия еще не есть анархическое общество. Во вторых, вышеуказанный способ решения спорных вопросов ничуть не отличается от способов, употребляемых во всех

политических партиях; он, пожалуй, отличается тем, что менее практичен этих способов. В самом деле, ведь никто не станет утверждать, что всегда можно притти к соглашению. Очень часто, в подавляющем числе случаев это «соглашение» есть добровольное подчинение меньшинства большинству даже в нашей анархической практике, не говоя уже о других политических течениях. Затем, «если же вопрос настолько важен, что никакие добровольные уступки невозможны, то из этого еще не следует, что надо расколоться. Это всегда зависит от позиции меньшинства. Если меньшинство считает, что преследуемые сообща цели и единство организации дороже и важнее фракционных убеждений, тогда оно остается в организации, делая все возможное, чтобы убедить большинство в его неправоте. Если же оно считает свое фракционное дело важнее единства организации и общих целей, тогда оно и производит раскол. Но это происходит сплошь и рядом во всех политических партиях и неанархических организациях, даже самых централизованных. Большинство же никогда не запрещает оппозиции выступить из партии. В немецкой централизованной компартии есть, например, добрых полдюжины выступивших по фракционным разногласиям оппозиций. У нас же по привычке считать каждый мало-мальски спорный вопрос «важным» расколы из-за всяких пустяков множатся как грибы после дождя. Мы, напротив, склонны думать, что чем выше сознательность и чувство солидарности членов данной общественной организации, тем меньше в ней расколов, хотя бы даже из за очень важных вопросов. Расколы же по всякому вопросу могут допускать лица, безответственно относящиеся к организации и к общему делу.

Мы считаем резолюцию, принятую или отвергнутую большинством «возможным соглашением». ибо она вотируется после прений, в которых принимаются во внимание все аргументы за и против*) Если же меньшинство остается при своем мнении, то оно имеет только два выхода: — выйти из организации или же подчиниться большинству. Третьего выхода нет. Меньшинство может поступать в данном вопросе по своему и остаться в организации только в том случае, если большинство на это согласно.

Это совсем не значит, будто мы считаем, что большинство всегда право. Оно может ошибаться так же, как и меньшинство. Но в каждый данный момент оно поступает так, как оно считает для себя наиболее правильным и целесообразным. Требовать обратного было бы нелепостью. Меньшинство же всегда может отстаивать свою точку зрения. На то существуют свобода прессы и слова.

Нас могут спросить, считаем ли мы постановления свободно избранных советов принудительными или нет для тех, представители которых в этом совете принимают участие. Это вопрос вполне естественный. Мы даем на это следующий ответ: это будет зависеть от самих советов. Если совет признает данное решение обязательным для всех — тогда оно конечно обязательно. Это конечно, будет зависеть от большего или меньшего идейного влияния партии анархистов-коммунистов на данный совет. Но мы желаем указать на то, что даже обязательность постановлений советов не опасна для революции и *не является актом государственного насилия*. При условиях трудовой демократии, при отсутствии классов, при строе, где каждый человек имеет возможность стать трудящимся, и при экономическом равенстве, при широчайшем политическом и социальном самоуправлении ни о каком государственном насилии не может быть и речи. Каждая коммуна (а совет соответствует известной территориальной хозяйственной единице, которую назовем коммуной) имеет право быть как ей угодно строгой в определении тех условий, на основе которых ее члены будут жить между собой. И эти условия могут быть разнообразны в разных коммунах. Ведь говорит же т. М. Корн в вышеупомянутом сборнике (стр. 61), касаясь анархических групп:

«Каждая группа имеет право быть как ей угодно строгой в выборе своих членов, и это нужно запомнить всем». Такое же право по отношению к своим членам имеет каждая коммуна, т- е. ее орган совет. Так что обязательность решений советов при трудовой демократии не только не противореволюционна, но даже по существу не противоанархична.

Мы должны еще указать на то, что об'ективно, в условиях свободного общественного развития эта обязательность все больше будет уменьшаться и наконец сведется к нулю в виду того, что решения совета будут руководимы об'ективно-научной целесообразностью с учетом статистических данных, а не интересом той или иной группы. Обратим еще внимание на то обстоятельство, что при вышеуказанном строе советов, где один и тот же рабочий выступает и как производитель, и как потребитель, и как заинтересованный в культурно-просветительной деятельности коммуны и т. д. противоречия групповых интересов сведутся к минимуму. Впрочем, обязательность, которая на первых порах будет применяться, имеет свои пределы. Этим пределом является выступление несогласного с решением совета члена одной из коммун и вступление его в другую, более ему соответствующую. И опять таки повторяем: чем больше будет развита у данного человека общественная сознательность и солидарность, тем меньше такие выступления будут иметь место.

Нельзя себе делать никакой иллюзии насчет тех трудностей, которые предстанут перед органами рабоче-крестьянского самоуправления на второй день социальной революции. Создать из до сих пор раздробленных хозяйственных единиц единое социалистическое хозяйство, урегулировать рациональное распределение, наладить сношения между деревней и городом, заменить огромную армию бывших посредников, купцов и других нетрудовых элементов, наладить правильное снабжение, организовать защиту революции перед внутренними и внешними врагами, за все это, конечно, возьмутся местные и национальные об'единения производителей, потребителей, транспортных работников и т. д. Но каждая из этих организаций будет делать только свое дело в своей области. При сохранении единого хозяйства всю эту,

*) *Не должно смешивать с искусственно созданным большинством всякими репрессивными мерами, как напр. в ВКП.*

пеструю и многогранную деятельность нужно будет в местном и национальном масштабе об'единить, увязать, регулировать. Для того, чтобы все это действовало по одному плану, а социалистическое хозяйство тем и отличается от буржуазного (хаотического), что оно рассчитано a priori и действует по плану, необходимо все эти функции, происходящие на определенной территориальной единице, концентрировать на одном месте в одном органе (Не *централизовать*, а *концентрировать* для увязки). Такой технический центр также необходим, как необходима центральная телефонная станция для телефона. Этим центром, где скрещиваются все стороны местной общественной жизни и будет местный совет народных делегатов, состоящий из уполномоченных всех этих различных общественных организаций. Таким образом увязывается вся деятельность трудящихся данной местности и представители организаций одной отрасли общественной деятельности получают возможность контролировать деятельность организаций другой отрасли.

Нас могут спросить, почему мы отрицаем за политическими партиями право участвовать в советах. Мы на это отвечаем: политические партии не есть общественно-необходимые организации. Это есть идейные и философские группы, которые может быть являются импульсами известных общественных действий, но сами, как таковые необходимой составной части общественного организма не составляют. Вместо органов, регулирующих целесообразно и научно весь комплекс пореволюционных вопросов советы стали бы при допущении в них политических партий органами борьбы за центральную власть. И в этом случае, как это всегда бывает независимо от воли той или другой политической партии, на первом месте стояла бы борьба за власть, а уж на втором или третьем интересы революции.

Но тут возникает вопрос: какую мы гарантию имеем, что под маской представителей производителей, потребителей, революционных солдат, транспортников, культ. просветительных работников и т. д. не проникнут в советы представители политических партий? Гарантий, конечно, нет. Но проникновение членов политических партий *под маской* производителей, потребителей и т.д. не есть то же самое, что их вступление в советы, как представителей политических партий. И в совете они должны будут свои стремления к партийной власти скрывать *под маской*. Что же касается их программы в области развития индустрии, сел. хозяйства и местных вопросов, то они вполне свободны их защищать с своей точки зрения. Массы обыкновенно выбирают, и это мы видим сплошь и рядом, на ответственные посты напр. в профсоюзах не политически выдающихся деятелей, а наиболее способных в данной области людей, хороших организаторов, честных работников, к которым питают доверие. Так напр. мы в коммунистических профсоюзах на ответственных постах можем встретить анархистов, в социал-демократических — коммунистов и т. д. Каждый член совета будет там послан для определенной конкретной работы, для которой получает директивы от своих избирателей, а не для политиканских интриг. Та система широчайшего контроля советов массами и возможность в любую минуту заменить одного делегата другим, гарантирует в достаточной мере, что никакое злоупотребление властью в советах не будет иметь места. Советы, по нашему плану, не есть органы власти, а органы местного самоуправления, сочетающие функции современных муниципальных советов с общеполитическими задачами трудящихся. Если же часть местных советов (это ведь зависит от трудящихся данной местности) будет носить отчасти характер органов власти, то это будут во первых органы вполне независимые от государственной власти, а только от народных масс, а во вторых власть их будет распространяться над теми, кто ее добровольно примет, а в том, что ее примут, позволительно сомневаться; в третьих, вместе с развитием революции и социалистического строительства, основанного на началах научно-об'ективного исследования, значение этих полувластнических советов сведется к нулю. Принцип федерации требует от нас признания, что каждая территориальная единица вполне свободна в определении принципов своего существования, но при условии во первых, что эти принципы будут распространяться только на выработавшую и принимающую их территорию и что эти принципы социалистические (т.е. при том условии, если орудия производства перешли в руки трудящихся). Но мы будем бороться всеми средствами против всякой попытки создать государственную власть. Ибо, как это ярко выразил бывший нарком-труд Шляпников, говоря о компартии: «Наша партия практически должна решить вопрос о том, какими путями она будет проводить свою политику экономического строительства через рабочие организации или по *старому методу* (курсив везде Шляпникова), усвоенному от буржуазной эпохи, *через бюрократически построенные аппараты...Самая опасная сторона бюрократизма заключается в фетишизме аппаратов государственной власти, в их стремлении рассматривать себя в качества пупа земли, вокруг которого вращаются солнце, земля и прочие светила планеты.* (Платформа Шляпникова и Медведева изд. Московский Рабочий стр.96-97

Наша пария, парттия анархистов коммунистов вопрос этот давно вырешила.

Я. ВАЛЕЦКИЙ.

КЛЕВЕТНИКАМ САККО И ВАНЦЕТТИ

Так называемое демократическое общество никак не может примириться с тем, что его суд — суд Американской демократической республики всенародно разоблачен, как классовый суд, безпрекословно выполняющий волю магнатов капитала. Оно не хочет признаться, что смертный приговор, вынесенный судом Сакко и Ванцетти, был произнесен исключительно по молчаливому, но непреклонному требованию американских капиталис-

тов, притом исключительно за ту выдающуюся идейную и революционную деятельность, которую эти мученики пролетариата проявляли в своей среде. Еще никогда, быть может, с демократического общества не была так полно сорвана маска лжи, лицемерия и подлости, как в деле Сакко и Ванцетти. Это не дает ему покоя и оно тем или иным способом стремится поправить положение, подвести снятые с него румяна об'ективности, общечеловечности, гумманности. Одной из таких попыток следует рассматривать недавно вышедшую по французски книжку — «Драма Сакко и Ванцетти». Авторы этой книжки — два французских юриста, Thinet и Pons, стремятся показать, что лишь благодаря извращению всего дела Сакко и Ванцетти, благодаря тенденции воспользоваться этим делом в целях революционной пропаганды пошли разговоры о «мести капиталистов», об их «классовой юстиции». На самом же деле всего этого, по уверениям авторов, не было, а было лишь чрезвычайно запутанное положение, причиной которого явилось устарелое законодательство штата Массачузетс и защитники Сакко и Ванцетти, использовавшие все закоулки этого законодательства, затянувшие дело на семь лет, но не добившиеся его пересмотра. Замысел авторов тот, что невинность Сакко и Ванцетти не была неопровержимо установлена, следовательно нельзя суд демократической республики называть судом мести капиталистов. Рассуждения их таковы. Хотя тридцать свидетелей показали, что в момент убийства кассира обувной фабрики Сакко и Ванцетти находились в другом городе, пять свидетелей утверждали, что в числе убийц кассира находились люди, похожие на Сакко и Ванцетти и эти пять свидетелй были чистокровные американцы, следовательно, по мнению авторов и судей, люди не заинтересованные в судьбье Сакко и Ванцетти (тридцать других свидетелей были иностранные рабочие, показания которых имели значительно меньшую ценность в глазах американских судей). Далее, эксперты утверждали, что пули, которыми был убит кассир, имели те же «индивидуальные черты», что и пули, обнаруженные в револьвере Сакко. Наконец, автомобиль, взятый Сакко и Ванцетти за плату из гаража, в котором Сакко намеревался предпринять агитационный рейд, оказался тем, в котором приезжали убийцы кассира. Все эти обстоятельства так усложнили и запутали дело, что демократический суд не мог с чистой совестью сказать, что Сакко и Ванцетти не виновны в преступлениии, в котором их обвинила власть. Как же можно этот суд упрекать в классовости или продажности?

Это оправдание демократического суда в деле Сакко и Ванцетти так восхитило русскую либеральную буржуазию из партии Милюкова, что один из участников этой партии — Юниус написал целый фельетон, в котором отчасти бросает тень на Сакко и Ванцетти, отчасти «соболезнует» им типичным соболезнованием либерального барина, а главное старается обелить буржуазную демократию, убившую Сакко и Ванцетти. (Посл. Нов. от 28 сент.)

Гневные протесты десятков миллионов в защиту Сакко и Ванцетти прекратились, полетариат с улиц ушел в мастерские и фабрики, и вот на свет божий начинают выползать жрецы буржуазной демократии и доказывать, что принципы этой демократии ни в какой мере не пострадали, несмотря на то, что судом этой демократии убиты два выдающихся, исключительных представителя рабочего класса. Напрасные старания. Жалкие, лживые доказательства. Рабочий класс многие годы знает Сакко и Ванцетти, как лучших своих идейных и фактических бойцов и вечно будет слать проклятия строю, убивающему таких людей. Он знает их активнейшими борцами и деятелями в рядах «Индустриальных Рабочих Мира», знает их непримиримыми противниками милитаризма и войны, неутомимыми агитаторами за анархию и самоосвобождение рабочего класса. В качестве классовых возмутителей являлись они бельмом на глазу у американской буржуазии. Последняя тольько за это предательски схватила и казнила их, точно так, как сорок лет тому назад, в 1887 г. та же американская буржуазия казнила в Чикаго пять анархистов, бывших идейными руководителями рабочих организаций и рабочего стачечного движения.

Глашатаи буржуазной демократии, чтобы оправдать американский суд, снять с него клеймо классовой капиталистической юстиции, приводят жалкие аргументы о пяти «чистокровных» американцах, об «индивидуальном характере пуль», обнаруженных у Сакко и т.д. Но разве всем неизвестно, что так называемые «чистокровные» американцы проявляют наибольшее пристрастие к иностранцам в Америке, начиная с негров, которых они линчуют по всякому поводу, и кончая иностранными революционерами, которых они ненавидят той же ненавистью, какой наши «истинно русские» люди ненавидели и ненавидят евреев-революционеров? И разве для всякого, знакомого с оружием и военным делом, неизвестно, что утверждения так называемых «экспертов» об «индивидуальных особенностях» пуль, в таком деле, как дело Сакко есть полнейшая чепуха. Индивидуальные особенности пуль, например, системы браунинга определенного калибра, выпускаемых миллионами и друг на друга похожих, это то же, что индивидуальные особенности дождевых капель, упавших в лужу и на землю. Ни один эксперт, достойный этого имени, не решится в подобных случаях говорить об индивидуальных чертах пуль. Лишь сознательный негодяй, выполняющий волю власть и капитал имущих, пойдет на это. Так Фуллер, устоявший перед «протестами мира», но не могший устоять перед реальной благодарностью американских банкиров и фабрикантов, выполнил волю последних.

Выдвигая эти жалкие аргументы в защиту демократического суда, жрецы буржуазной демократии, сознательно стремятся набросить покровы на те аргументы, которые проливают свет на все дело Сакко и Ванцетти и которые выносят смертный приговор (в социальном смысле) всему нынешнему, так называемому культурному демократическому режиму. Они сознательно замалчивают о той выдающейся роли, которую Сакко и Ванцетти играли в рядах революционных рабочих Америки и о тех могучих качествах пролетарских революционе-

ров, которыми Сакко и Ванцетти обладали. *За это* американская буржуазия убилиа их, подло связав их с делом, с которым они ничего общего не имели и которым демократический суд морочил голову всему свету. *Поэтому* американский суд «не поверил» Мадейросу, заявившему, что виновником убийства является он, а не Сакко и Ванцетти. «Не поверил» потому, что ему было *не выгодно* поверить в данном случае, ибо это обязывало бы его освободить Сакко и Ванцетти. Между тем в задачу его входило убить их во что бы то ни стало. «*Сам факт, что они анархисты, является их преступлением*» — эти слова судьи Тэйера, проболтавшегося в то время, когда процесс не принял еще своих последующих размеров, характеризует дело лучше всяких трудов и изысканий прислужников буржуазии. Пусть господа Юниусы, Thinet. Pons и другие выгравируют их на своих лбах. Пролетариат же с самого начала запомнил их, как характерную черту классового демократического суда. П. А.

ПИСЬМО ИЗ СЕВ. АМЕРИКИ

В связи с дезорганизаторским выступлением хаотических анархистов против платформы, т-щ из Америки делится свомп впечатлениями и наблюдениями, вызванными этим «выступлением», т.е. «Ответом» на платформу Волина и др. Он пишет: У нас здесь получилась небольшая трещина. Некоторые товарищи хотят работать и служить в двух направлениях. Хотя и замечают, что листовка (против Группы Русских Анархистов Заграницей) и «ответ» сильно вредят и тормозят рабочее движение. Но здесь должен быть один выход, т.е. выбор: за или против. Ибо нет смысла топтаться на одном месте и служить политической толкушкой. Мы видим всю ту ошибку, которую понесли анархисты в русской революции. И если мы будем топтаться на одном месте, то из нашей организации не выйдет ничего. У нас нет групповой ответственности, у нас нет намеченного пути к достижению свободного общесва. Некоторые анархисты по старому высказываются, что мы, мол, должны только разрушать, а это только как раз на руку разным политическим партиям. Они использовывают такую тактику нашу для своих целей. Мы помогали разрушать царский строй и построить большевистский. Мы разрушали власть, а создалась другая. Почему нам не наметить определенного пути и точно сказать, за что мы боремся и куда ведем тех людей, которые не знакомы еще с анархизмом. Это столь естественно и необходимо, а между тем некоторые неустойчивые т-щи пугаются этого. Оно понятно, когда нашей анархической ясности пугаются те божки, которые сидят у власти в данное время. Ибо они видят и сознают, что если только анархистам удастся ознакомить весь трудовой класс — крестьян и рабочих — с нашей программой, то труды наши и идеи восторжествуют и им придется убраться с тронов. Большевики это учитывают. Они наводняют Америку своими агентами, которые, если не открыто, то косвенно стараются воздействовать на наших неустойчивых товарищей. И вот они ссылаются на анархизм, как чисто-кристальную идею. Каждая программа, говорят они, выливается в закон, а раз закон это уже не анархизм. Вот на эту то удочку они и ловят мало-устойчивых товарищей и делаются их «друзьями». Эти большевики от «чистого сердца» излагают анархическую идею, какою она должна быть, по их мнению, т.е. без программы, без организованности, без связи. Они прекрасно знают, что если масса не связана с практической программой анархизма, то сама собой ничего не представляет. И анархизм сам по себе, без масс не представляет ничего.

Мне пришлось познакомиться с одной коммунисткой, родственник которой в Вашингтоне заведует агитационным фондом. Я и с ним тоже познакомился. Вот эта коммунистка мне кое-что рассказала из работы большевиков и чего они желают. У них здесь есть много агентов не только интеллигентов, но и рабочих, которые мечтают быть партийными вождями, т.е. сталинскими лакеями. Москва предписывает так: «каждое противобольшевистское выступление должно быть ликвидировано, несмотря на то, где оно происходит, в высших кругах ученных или в среде рабочих». Эти агенты и соприкасаются с нашими товарищами, указывая слабые стороны как, в журнале, так и в Платформе и критикуя их в интересах своей партии. У них один план действия: *разрушить* противобольшевистское рабочее движение. Ваш *А.*

Примечание редакции. Письмо нашего американского тов. А., присланно не для печати, а в организационном порядке. Но мы его печатаем потому, что оно характерно тем, что показывает известную политическую и организационную неустойчивость некоторых работников анархического движения. В этой неустойчивости нет ничего неожиданного. Анархическое движение всех предыдущих лет всегда отличалось отсутствием определенных политических и организационных позиций. Оно меньше всего могло быть школой политического и организационного воспитания рабочих масс. Поэтому и по сию пору у некоторых товарищей идея анархизма не увязывается тесно с идеей прочной организованности. Традиции прошлого их давят. И они легче других становятся жертвами оголтелой демагогии оголтелых лиц, любящих мутить анархическую среду, но не знающих и сами, чего они хотят.

Рабочему анархизму, становящемуся на рельсы организованности и неустанно борющемуся со всеми явлениями разгильдяйства и хаоса в анархическом движении, придется еще много и упорно поработать, чтобы хорошенько прояснить организационные и политические позиции и сделать их неот'емлимыми позициями всякого рабочего анархизма.

Тяжелый опыт русской революции, вскрывший пустоту и безнадежность анархо-хаотиков, а также здоровое революционное чутье каждого рабочего анархиста помогут наметить и укрепить эти позиции.

Письмо характерно также тем, что показывает сколь большевики враждебно относятся к организации анархических сил и хотели бы помешать этой организации. Подобные сообщения о них из Америки ред. Д. Тр. получила уже неоднократно.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Дорогие товарищи! Прежде всего считаю долгом выразить свое сочувствие той политике, которую вы проводите в «Деле Труда». Несмотря на то, что со всех сторон патентованные политики нападают на Вас, здесь в Аргентине можно найти несколько человек, которые горячо сочувствуют Вам. Безусловно, практика показала, что идея анархизма может восторжествовать только в результате организованности и сплоченности. Всякие идейные разногласия только наруку нашим врагам. Мы должны противопоставить им нашу сплоченность. Пусть будет нас меньше, но любящих искренне идеал анархизма и готовых итти на борьбу со всевозможными врагами. Очень печально, что рабочие даже анархических взглядов, имеют различные мнения по организационному вопросу. Не имея возможности активно работать в этой области здесь в Аргенntине, я всегда буду делать возможное и в нужный момент не пожалею жизни своей. Препятствием к активной работе служит то, что я недавно удрал из России в Польшу и приехал в Аргентину не на вполне хороших документах. Заканчивая свое краткое письмо, искренне желаю успеха в Вашей позиции и обещаю всегда возможную моральную поддержку, а если немного улучшу свое положение, то буду помогать вам и материально. Посылая это письмо, я хочу сказать, что из неизвестных безмолвных скитальцев, есть горячие ваши сторонники.

1-VIII-27 г. Аргентина. С товарищеским приветом.

ЗА ПРАВДУ О РОССИИ

(Отчет о докладах т. Лазаревича)

Мнения рабочих о секратных арестах. Возражения коммунистов.

Следуя примеру товарищей шахтеров севера, многие металлисты, докеры и другие рабочие юга и юго-запада Франции сочли нужным услышать набат, раздающийся со стороны анархистов и синдикалистов о жизни русских рабочих. Анархическая группа действия в Марселе, группируя товарищей разных направлений, принялась за организацию серии собраний по этому поводу; товарищи многих других городов их поддержали в этой работе и последним Унион синдикатов Гавра решил также ознакомиться с новым взглядом на вопрос о коммунистическом государстве.

Изложение, которое было сделано в С. Этьен, Улиусе, Лионе, Марселе, Тулоне, Сиота, С. Генри, Гавре было основано на точных данных, которые могут быть проверены, взятых из официальной русской прессы, синдикальной и политической. Цена русскому государству была определена по реальным достижениям за десять лет его существования. Слушатели могли констатировать, что во многих случаях зарплата, едва достигшая довоенного уровня, т.е. уровня времен царизма, выплачивалась с запозданием на недели и даже месяцы. Было доведено до сведения публики о повторных выступлениях против 8-часового рабочего дня, а в частности о проекте восстановления 10-часового рабочего дня для строительных рабочих; изложение мотивов последнего констатировало полное пренебрежение к интересам пролетариата (это послужит серьозной опорой для мирового патроната в его кампании против нормальной продолжительности рабочего дня). Презрение Государства-Хозяина к жизни рабочего, утилизирующего в смехотворной пропорции кредиты, находящиеся в его распоряжении для предупреждения несчастных случаев на работе, было доказано бьющими в глаза цыфрами.

Рассматривая также конкретные факты, с указанием имен, дат и мест, было установлено существование исключительной власти секретной полиции, ее право судить рабочих вне всякого контроля, лишая их возможности защищаться, применяя наказания, практически неограниченные, работая в абсолютном секрете.

Из 8 собраний 6 кончились вынесением явным большинством резолюции, пересланной русскому посланнику, требующей допущения в Россию синдикальной делегации, правильно назначенной, сопровождаемой наряду с оффициальным переводчиком и русским анархистом, знающим практически тюремный вопрос. Эти же собрания единодушно приветствовали идею амнистии к 10-й годовщине Октября, также как и уничтожение тайной юстиции. Товарищи из Гавра, приведя собрание к благополучному концу, несмотря на старания коммунистов саботировать его, предложили последним сделать сериозную анкету о жизни русских рабочих.

Саботаж собрания в Тулоне будет изложен дальше; но с теперешнего момента рабочие Франции смогут судить о новом примере систематического одурачивания рабочего, практикуемого газ. «l'Humanité, которая силится заставить верить своих читателей, что все старания наших товарищей выявить рабочую правду оканчиваются неудачей.

В Лионе и Марселе местные коммунистические вожди приказали их ордам срывать афиши, извещающие о собраниях; эти господа забыли, что они не в России, что им не легко будет ввести эти методы угнетения всякой рабочей мысли, которая не является ихней; наши товарищи этих городов ответят, систематически мешая анонсированию коммунистических митингов.

В Тулоне наши товарищи, которые верили в деликатность коммунистов, и хотели открыть серьозные прения были страшно разачарованы; на деле партия мобилизовала своих солдат и помешала организаторам собрания ответить оппонентам. И это собрание принесет свои плоды; нужно подчеркнуть при этом, что наши товарищи оставили залу, защищаясь своими собственными силами и что видя их решение, коммунисты не отважились их тронуть. Само собой разумеется, что такие неопределенные термины, как «большевистские жестокости» не были ни разу употреблены; это бы , впрочем, противо-

речило спокойной, но точной аргументации, которая была в распоряжении докл. То же в Гавре, местный комзапра вила утверждает, что дело шло о «противорабочем синдикализме в России», в то время как на деле говорилось о синдикализме и противорабочих репрессиях.

В Марселе, местные коммунисты, которые были оповещены о времени, которое им отведено для прений, отсутствовали к тому времени; однако шефы партии были у входа в здание, во главе группы в 250 сторонников; здесь также, без сомнения, проектировалось отменить рабочее слово; ясно было, что по отношению к этим людям, которые понимают только аргументацию силы, наше движение принуждено будет прибегнуть к ней же.

То же отсутствие аппонентов было зарегистрировано в С. Генри и Улиусе. Интересно сопоставить на этой стороне оба метода — анархический и коммунистический — в изучении русской ситуации. Коммунисты отказывали в слове аппонентам на собраниях, организованных по этому же поводу в Париже, в зале Belleviloise, также на докладе в Grandjouan и в Dutileil; их ораторы во всех городах, где мы действовали, не допускали дискуссий; они соглашались только на письменные вопросы, наиболее неудобные из которых они обходили молчанием. Наоборот, анархисты требовали дисскуссии, давая возможность широко излагать противоположную точку зрения.

К РУССКО-УКРАИНСКОЙ РАБОЧЕЙ КОЛОНИИ В СЕВ. АМЕРИКЕ И КАНАДЕ.

Дорогие товарищи! Закончил две первые книги своих записок о «Русской революции на Украине» и «В пути отступления». Первая книга на французском языке уже вышла из печати. На немецком скоро поступит в печать.

Но необходимо издать их на русском и затем, если найдутся хорошие переводчики, на украинском языке.

Чтобы издать их на русском языке, я поручил тов. С. Михайлову в Америке организовать комитет из трех ответственных товарищей и заняться этим делом.

Обращаюсь ко всем товарищам рабочей колонии с товарищеской просьбой поддержать тов. Михайлова морально в организации комитета и денежно в издании этим комитетом моих книг.

С товарищеским приветом

6/X-192. г. Франция. *Нестор Махно.*

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N 4 в пользу заключенных в России анархистов

Василий Савчук 1 д.; Сергей Феденко 3 д; Анна Феденко 1 д.; Осип Ульчик 2 д.; Никита Шевчук 2 д.; И. Мальский 2 д.; Яков Данилюк 1.50 д.; Яков Матвеюк 2д.; Василий Спинюк 1 д.; Анна Спинюк 1 д.; И. Позеш 2д.; Iorkeeth 1 д.; Ольга Шевчук 1 д.; С. Хведынко 2 д. без подписи1 д.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N5 в пользу заключенных в России анархистов.

А Данис 2 д.; A. Flakcs 0.50 д.; Carl Helpor 0,50.; Роман Михалевич 1 д.; Э. Мойсеева 0.50 д.; E . Solo 1 д.; S. Slow 0.50 д.; s. Boikoff 0.50 юд.; I. Moisif 0.50 д.; С. Мойсеев 1 д.; А.Бабенко 0.25 д.; Л. Крикливый 0.50 д.; Хохол 0.25 д.; А. Генев 0.50. А. Фе шенко 1 д.; Дора Адлер 0.50д.; Карп Михалевский 0.50 д.; Пригодов 0.25 д.; А. Дидек 0.25 д.; С. Борезук 1 д.; Д. Романов 0.50 д.; Kusmass 0.50 д.; Teil Sink 0.50 д.; И. Луцевич 1 д.; И. Квешенко 1 д.; Fred Zum 0.35 д.; Аргеев 1 д.; Мешков 0.50 д.; Fred Shushock 0.25 д.;

Итого:18 дол. 60 сен.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ ОБЩЕСТВА ПОМОЩИ ПОЛИТ. ЗАКЛЮЧЕННЫМ В РООССИИ (г. Балтимора)

К. Левинский 1 д.; П. Новаш 2 д.; П. Левинский 1 д.; Л. Шапель 1 д.; К. Чайковский 1 д.; А. Мазур 5 д.; М. Кабарда 1 д.; Ф. Серадоенков 5 д.; Г. Гараст 1 д.; А. Сыч 0.50 д.; А. Крейдич о0.25 д.; Собко 1 д.; М. Климчук 1 д.; Н. Котыло 2 д.; С. Спящий 0.50.; А. Лисонид 0.50.д; П. Мантол 0.50 д.; Ж. Пауль 0.50 д.; К. Петкович 1д.; С. Фоунтос 0.50 д.; Ж. Лавлос 0.50 д.; Ж. Коддиоколс 0.50 д.; А. Палиге 0,50 д.; Ж. Петкович 0.50 д.; Крабоусонос 0.50 д.; А. Галше 0.50 д.; А. Валмас 1 д.; П. Кариодос 0.25 д. Н. Поганис 0.50 д.; А. Поганис 1д.

Итого: 32 дол.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ (ЛОС-АНЖЕЛОС) N 11 и 12

3 д. П. С.; по 1 д. П. К. и К. С. по 75 с. Н. Л. по 50 сен. С. Т. А. Ф. Д. Г. Т. П. ; по 25 с. И. В. М. С. (номер листа из Лос-Анжелос 28.

ОТЧЕТ

Группы Русских Анархистов Заграницей от 5 сент. по 10 октября. 192 г.

ПРИХОД

От Тардфорской Группы через т. Тарнова 600 фр.(24 д.).
« Бостонской группы через т. Москалюка — 300 фр. (12 д.
« Филадельф. группы через т. Свободи на 300 фр.(12 д.
« т. Шакулы 50 фр. (2 дол.)
« т. Лазарева (Рочестер) 25 фр. (1 д.)
« Балтиморской группы через Свободине 500 фр. (20 д.)
« т. Мартынова 5 зл.

Всего 1800 фр. 5 зл.

РАСХОД

Перевод ответа на «Ответ» 60 фр.
Переплет Д. Тр. до 25 N 257 фр.
Экспедиция N 28 Д. Тр. 298 фр. 70 с.
Корреспонденция 35 фр.
Стоимость N 29 Д. Тр. 1600 ф.
Всего расхода 2250.70 фр.
Приход 1800 ф.
Дефицит 450.70 ф.
Всего дефицита 4629.90 ф. (185 д.)

ТОВАРИЩИ АНАРХИСТЫ, НАХОДЯЩИЕСЯ В СССР, «ДЕЛО ТРУДА» ПРОСИТ ВАС ПРИТТИ ЕМУ НА ПОМОЩЬ ЛИТЕРАТУРНО (присылайте статьи, заметки, информации), А ТАКЖЕ МАТЕРИАЛЬНО

Gerant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris